

Тайный друг Мастера

35 лет назад Елена Сергеевна Булгакова снова встретилась со своим возлюбленным

Вероника Чернышева

С Михаилом Булгаковым они встретились почти случайно. Вернее, вопреки случаю. По одной из версий, это произошло в квартире художников Моисеенко по адресу: Большой Гнезниковский переулок, дом 10, на Масленицу. Оба были приглашены на блины, и оба не собирались откликнуться на приглашение.

Их любовная история звучала бы банально, если бы семейное благополучие жены генерал-лейтенанта Евгения Алек-

сандровича Шиловского было только видимым, не настоящим, а скажем, ханжески скрывающим от общества правду о несчастной женщине с богатым внутренним миром, живущей с нелюбимым. Все было как раз наоборот. Она была счастлива. Любила мужа. Обожала детей. Больше того, счастьем этой семьи предшествовал романтический сюжет. Командующий 16-й армией красных Евгений Шиловский был настолько влюблен, что отбил жену у своего адъютанта Юрия Неелова, с которым Елена Сергеевна, урожденная Нюрнберг, была обвенчана в декабре 1918 года. «Муж ее был молод, красив, добр, честен...» — сказано в романе о Маргарите. Таким был Шиловский. Сестре Ольге Бокшанской, впоследствии жившей с ними, Елена Сергеевна писала о нем: «Ты знаешь, я страшно люблю Женю большого, он удивительный чело-

век, таких нет...» Он тоже ее любил и отпустил ее не сразу. В одном из писем к сестре Елена Сергеевна рассуждает о своем счастье: «Мне иногда кажется, что мне еще чего-то надо. Ты знаешь, как я люблю Женей моих, что для меня значит мой малыш, но все-таки я чувствую, что такая тихая, семейная жизнь не совсем по мне. Или вернее так, иногда на меня находит такое настроение, что я не знаю, что со мной делается. Ничего меня дома не интересует, мне хочется жизни (это слово она выделяет курсивом.— В.Ч.), я не знаю, куда мне бе-

жать, но хочется очень. При этом ты не думай, что это является следствием каких-нибудь неладов дома. Нет, у нас их не было за все время нашей жизни. Просто я думаю, во мне просыпается мое прежнее «я» с любовью к жизни, к шуму, к людям, к встречам и т.д. и т.д. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы моя личная жизнь — малыш, Женя большой, — все осталось так же при мне, а у меня кроме того было бы еще что-нибудь в жизни, вот как у тебя театр» (октябрь 1923).

Все это она обрела спустя несколько лет, оставив «Женей своих», когда 4 октября 1932-го они с Булгаковым «обвенчались в загсе».

Для Михаила Афанасьевича брак с Шиловской тоже был третьим. Когда друг Булгакова Сергей Ермолинский увидел Елену Сергеевну впервые, он, как вспоминает Татьяна Луговская,

ахнул — субретка! «Миша, ты сошел с ума!» Тот ответил: «Не твое дело!»

Блестящая светская дама советской Москвы, устраивавшая приемы, на которых бывала вся верхушка РККА, не была красавицей. Как водится, все вспоминают только о необыкновенном обаянии этой женщины. Но королевой Марго стала именно она. Хотя все шансы на это имели еще две женщины в жизни Михаила Булгакова.

С первой женой, Татьяной Лаппой, спасшей его от морфинизма, он расстался, когда ему, профессиональному писа-

телю, только вошедшему в моду, стало удобнее считаться холостым. (Говорят, перед смертью он просил позвать к нему его Тасю.) С Любовью Белозерской, «бабой бойкой и расторопной», сопровождавшей его на самом пике писательской славы, — когда встретил Елену Сергеевну.

А дальше было то, что большинство интеллигентных людей живо воспроизводят наизусть: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскрывает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоим! Так поражает молния, так поражает финский нож! Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что мы, конечно, любили друг друга давным-давно, не зная друг друга».

Встреча Мастера и Маргариты в переулке на Тверской, так ярко описанная в романе, возможно, и не состоялась бы, если бы Елена Сергеевна не наруши-

Они жили вместе не очень долго, но очень счастливо. Апрель 1935 г.

ла обещания, данного самой себе после встречи с Булгаковым: не принимать от него писем, не отвечать на звонки, не выходить одной на улицу.

Двадцать месяцев подряд она так и делала, но когда все-таки вышла на улицу, то сразу же встретила именно его. Он взял с нее новое обещание: «Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках». Она отвечала смеясь: «Конечно, конечно...» Он был серьезен и попросил поклясться. Она сделала и это.

Безбедную жизнь с красным генералом она обменяла на го-

ды совершенно другого счастья, той самой жизни, на отсутствие которой когда-то сетовала в письме сестре, — вечные гости, ночные чтения, переговоры с театрами, печатание, редактур, шуточные записочки, смешные вырезки из газет, она их находила в любимых книгах и рукоделии, письма вождю — но это уже много позже — в июле 1946-го: «Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! (...) Умирая, Булгаков завещал мне написать Вам, твердо веря, что Вы захотите решить и решите вопрос о праве существования на книж-

ной полке собрания сочинений Булгакова».

Умирал он, как и предсказывал, у нее на руках. Будучи отличным врачом, он с точностью предсказал и все, что будет с ним происходить перед смертью, — сначала потеря зрения, затем провалы в сознании.

Пожизненная забота о творческом наследии мужа досталась ей. Ведь она обещала ему и то, что все его произведения увидят свет. Она знала, что их ждет всемирная слава. Хотя когда все булгаковское было под запретом, в это не верили даже са-

мые близкие. Булгаков умер в 1940-м, напечатать «Мастера и Маргариту» в журнале «Москва» удалось только в 1966-м. И тогда не было на свете человека счастливее ее.

В сверке текста перед публикацией ей помогал внук Сергей Шиловский. Он вспоминает, что рукописями Елена Сергеевна при этом не пользовалась — знала роман наизусть. У нее сутками жили студенты, изучавшие творчество Булгакова, читать можно было всем, но выносить рукописи из дому до публикации она никому не

позволяла. Скептически относилась к идеям экранизаций и постановок. Всю мистику, связанную с неудачами затеянных интерпретаций, списывала на то, что кто-то обращается к его наследию с нечистыми помыслами.

Перед самой смертью Булгаков признался Елене Сергеевне: все, что написано, написано ради нее. После его смерти она была убеждена, что Булгаков продолжает общаться с ней. Советовалась, рассказывала, что сделано, чего сделать еще не удалось. Писала ему словно на тот свет, записывала сны про него: «...он как-то дает мне понять, что я должна много учиться, совершенствоваться (но как-то выходит, что в смысле познаний), что это необходимо для той его жизни. Что мы увидимся. А теперь он будет время от времени мне являться в снах. Эта мысль доставляет мне счастье. Я ощущаю живое тепло его лица» (Ташкент. Ночь на 29 марта 1943 года).

«Я ясно увидела тебя, твое лицо, твою фигуру, особенный цвет кожи, сияющие глаза — так ясно, как никогда не бывает во сне. Ты несколько раз поцеловал меня в плечо и спросил: Тебе хорошо? Я приподнялась, обняла тебя, прижалась, от тебя шло живое тепло, — я сказала: Боже, как я счастлива. Ты еще раз поцеловал меня и спросил: Ты довольна, что я тебе верен? От счастья я открыла глаза и засмеялась». (Москва. 8 января 1948 года).

Их мистическая дружба стала продолжением земной любви, рукописи, что не горят, — тому порукой. Она пережила его на тридцать лет. В самом начале их отношений, в 1929 году, Михаил Булгаков посвятил ей повесть «Тайному другу». Тайный друг оказался самым верным и сдержал все свои обещания. ■